

Матвеева Т. В. Практика выявления ценностной информации разговорного диалога / Т. В. Матвеева // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 133—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-133-151.

Matveyeva, T. V. (2018). Practice of Identifying the Value Information from Spoken Dialogue. *Nauchnyy dialog*, 12: 133-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-133-151. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42+81-25

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-133-151

Практика выявления ценностной информации разговорного диалога¹

© **Матвеева Тамара Вячеславовна (2018)**, orcid.org/0000-0003-4802-221X, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), tomat-44@mail.ru.

В статье содержится демонстрация лингвокультурологического анализа разговорного диалогического материала, осуществляемого в соответствии с предложенным автором методологическим решением проблемы. Актуальность данной работы связана с осмыслением разговорной речи в качестве одной из сфер становления и воспроизводства национальной культуры общения. Указывается, что конкретной целью автора является внедрение предлагаемой технологии в практику ценностно ориентированного анализа разговорной речи. Статья построена на оригинальном речевом материале повседневного семейного взаимодействия. Поэтапная процедура анализа диалогического текста охарактеризована в тезисном виде. С учетом исходных социолингвистических данных на вспомогательном этапе выявляются ценностные тематические и коммуникативные фрагменты разговорного текста, демонстрируется лингвистическая техника структурирования диалогического материала на категориально-текстовом основании. На основном этапе выделенные ценностные фрагменты двух типов интерпретируются в терминах коммуникативной лингвистики с учетом типовых особенностей ситуации общения. При этом используется дихотомия понятий «аксиологический идеал / аксиологическая реальность». Проведенный анализ нацелен на выявление реального ценностного содержания неформального русского общения наших дней; трактовка речевых поступков коммуниканта осуществляется на базе их соотношения с нормативной матрицей речевого взаимодействия, сложившейся в русской культуре.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Ключевые слова: реплика; диалогическое единство; ценностный тематический фрагмент; ценностный коммуникативный фрагмент; речевой поступок; речевая тактика; аксиологическая реальность.

1. Введение

Изучение разговорного диалога в аспекте его ценностного содержания значимо для понимания того, как происходит становление культуры общения в различных сферах и социальных стратах, в каких речевых формах закрепляется нужное и должное. М. Мамардашвили подчеркивал, что культура, в том числе человеческих отношений, естественным природным образом не воспроизводится. «Реактивность нашей психики — это одно, а ее проработка человеком в преднаходимых им общественных культурных предметах (предметы искусства — лишь частный случай) — это другое», причем именно она конститутивна для человеческого бытия [Мамардашвили, 1999, с. 88]. Разговорная речь представляет собой одну из сфер такой проработки, может быть, основную для общества, поскольку влияние искусства не повсеместно, оно затрагивает не каждого человека, но каждый постоянно находится в определенной среде неформального личного общения и усваивает ценности этой среды (реже — отталкивается от них в пользу других ценностных систем).

«Реконструкция и воспроизводство человеческого феномена на непрерывно сменяющемся психобиологическом материале природных существ» [Там же, с. 87—88], как и любой феномен бытия, характеризуется оформленностью, в области общения это проявляется в наличии определенных речевых форм — носителей и выразителей «квантов» и комплексов ценностного содержания. Лингвоаксиологический взгляд на разговорный диалог предполагает особую цель анализа речевого материала: последний рассматривается не в системно-языковом и не в собственно коммуникативном аспекте. Цель состоит в выявлении тех речевых единиц и структур (форм речевой коммуникации), которые служат воссозданию собственно человеческих, «надприродных» отношений в обществе (или, напротив, деструктивны в данном отношении).

Движение лингвокультурологического исследования к обозначенной цели требует особого методологического и методического оснащения.

2. О методе выявления ценностного содержания диалогической речи

Ранее нами представлена авторская разработка процедуры лингвокультурологического анализа разговорного диалога [Матвеева, 2018]. В тезисном виде эта процедура сводится к следующему.

На предварительном этапе выполняется социолингвистическая паспортизация участников коммуникативного события, в том числе относительно их взаимных отношений (возрастных, родственных и др.), а также осуществляется общая характеристика этого события и ситуации общения. Осмысливается также связь данной ситуации с общекультурными национальными обычаями и традициями, по возможности определяется место анализируемой конкретной ситуации в их составе.

Вспомогательный этап — это структурирование разговорного материала, результатом чего является определение набора речевых единиц анализа: фрагментов с ценностным содержанием. Формальное структурирование диалога опирается на представление о его репличном строении и дополняется понятием речевой партии коммуниканта, образуемой всеми его репликами в данном диалоге или полилоге. Функционально-семантическое структурирование заключается в выделении диалогических единств — фрагментов диалога, реплики в которых связаны тематически и / или прагматически. По заданным исследовательским условиям, в план рассмотрения попадают не все диалогические единства разговорного дискурса, а только характеризующиеся наличием оценочного содержания. Каждое из таких единств в материально-речевом выражении представляет собой ценностный фрагмент диалога.

В отражательном плане содержание диалогического единства носит либо объективно-логический характер (ценностной характеристике подвергается затекстовая реальность), либо коммуникативно-логический (оценивается общение коммуникантов, характеризуется собеседник). Учет данной дихотомии приводит к различению ценностных тематических фрагментов (далее — ЦТФ), в совокупности образующих ценностный план предметно-тематического содержания текста, и ценностных коммуникативных фрагментов (далее — ЦКФ), формирующих план общения данного диалога в ценностном аспекте. В том и другом случае анализируется коммуникативное поведение личности [Стернин, 2015]. При этом элементарной единицей анализа остается отдельная реплика, но берется она для анализа в контексте ценностного фрагмента с учетом социокультурного типажа коммуниканта и коммуникативной пресуппозиции [Борисова, 2001, с. 120—131]. Усредненно, реплика рассматривается как репрезентация акта речевой деятельности в определенных условиях, то есть речевой поступок [Там же, с. 193].

На основном этапе анализа проводится квалификация ценностного содержания реплик. При этом учитываются традиционные аксиологические квалификаторы (эмоционально-оценочная лексика, сред-

ства экспрессивного синтаксиса и др.), однако они рассматриваются лишь в качестве средств оформления речевого поступка, экспликации оценочного содержания, которые не исчерпывают собой ценностного содержания высказывания. Речевые поступки трактуются в терминах речевых (речеповеденческих) тактик, теория и состав которых разрабатываются и определяются современной лингвокультурологией и лингвопрагматикой [Верещагин и др., 2005, с. 519—687; Иссерс, 2008].

В ходе анализа определяется конкретный состав ценностей, бытующих в живой речи: ее аксиологическая реальность. Последняя может соответствовать или не соответствовать идеальной ценностной картине мира, то есть общенациональным представлениям о значимом, должном и одобряемом. Суждение о качестве речевого поступка личности выводится на основе проецирования речевой практики людей на константы культуры. Реальный речевой поступок коммуниканта сличается с эталонами: максимами речевого общения (по Грайсу и Личу), русским речевым (риторическим) идеалом [Михальская, 1996, с. 44—71; Стернин, 2001; Шалина, 2018], научными описаниями русской коммуникативной культуры [Прохоров и др., 2002], национальными обычаями и традициями по данным русского фольклора, художественной литературы, этнографических исследований; наконец, с личным опытом лингвиста, для которого русский язык является родным. Используются также специальные исследования, в которых предлагаются перечни русских национальных ценностей. В данной работе авторы опираются, в частности, на рейтингованный перечень русских ценностных предпочтений из 59 номинативных единиц, выявленных на основе анализа русских философских трудов (Н. А. Бердяев), художественных произведений (М. Е. Салтыков-Щедрин) и институционально принятой аксиологической концепции русского Православия [Вепрева и др. 2016].

Как вспомогательный, так и основной этапы анализа характеризуются методическими особенностями частного характера. В задачу данной статьи входит демонстрация предлагаемых позиций теоретико-методологического характера и представление общего хода лингвокультурологического анализа разговорного диалогического текста. Материалом послужили речевые образцы семейного общения [АГГ], демонстрирующие языковое существование семьи, один такой образец воспроизводится полностью, с визуальным выделением ценностных фрагментов (ЦТФ выделены рамкой, ЦКФ — курсивом). Выделенные фрагменты пронумерованы, тематические — дополнительно снабжены заголовками.

РАЗГОВОРНЫЙ ТЕКСТ

А. — пенсионерка, хозяйка дома, прабабушка С., 75 лет.

Н. — внучка А., домохозяйка со средним специальным образованием, 23 года.

В. (Виталий) — муж Н., рабочий со средним образованием.

О. (Ольга) — двоюродная сестра Н., студентка, 20 лет (отец — служащий, мать — домохозяйка).

С. (Саша) — сын Н. и В., 4 года.

Повседневное общение родственников в домашней обстановке, г. Тавда Свердловской области, 2016 год.

О. Нога болит у вас?

А. И капала и купила **таблетки** и всё / а это тут посоветовали листья привязать / так я вчера привязала / сёдня [сегодня] / сёдня вроде ничё [ничего] ходила получше / а то вот аж / вот так **ступить не могу** / оденусь пойду / левой ногой / ничо правой / левая у меня как будто бы у меня где-то отстаёт как это от правой //

Н. Ой я помню у меня как-то **опухла нога** / у меня вот **отекают** / где **косточка** / я **не могла ходить** вообще //

А. Так садись Оля / чё [что] стоишь на ногах //

О. Да я и постою // [ЦКФ-1]

А. А Арёнке говорю вот здесь **кость** одна / эта как тупая / а другая острая / <Арёнка / может к какому **доктору** сходить> / она только рукой махнула / ну добрые люди сказали вот //

Н. Что / **помогает**?

А. Пока ничё

Н. К бабу ... к **бабушке** же ходят **заговаривать** / Валя водила //

[ЦТФ-1: Нога болит]

О. Кто-то подсказал ей //

Н. Не-е-ет она сама нашла / вчера последний день

О. К бабушке на Еловку?

Н. Ну не на Еловку (о район е) / где-то там / у неё **Женька** Полинку напугал / ну этот-то **бывший муж** / он выломал ей **двери** и выломался он с утра /

А. Так **он** чё не живут опять отец-то у ней //

Н. Да нет давно уже **он** ушёл //

А. А **он** вроде приходил говорили //

Н. Он ходил / напрашивался / **его** не пускала обратно / не хотела / чтобы он с ними / говорит <одной спокойнее> / говорит <я знаю / что одна ... зарабатываю> (НРЗБ) [ЦТФ-2: Женька]

С. А-а-а-а /

А. Тише ты //

Н. Саша / тише мы разговариваем / Лена живёт у неё / Саша тихо / иди посмотри / что папа на улице делает //

О. Посмотри / где папа //

Н. Иди посмотри // [ЦКФ-2]

А. Так алименты / он наверное не работает //

Н. Не работает / **его** ищут (с возмущением) она написала на **него** заявление / он же был / так выломился выломал дверь / вместе с ключом вынес дверь в подъезде / побил их с Ленкой / у Вали была гематома / они снимали побои / [ЦТФ-2: продолжение]

С. Крю-крю-крю-крю (кричит)

А. Да тихо ты //

Н. Саша / мы / разговариваем //

А. Иди к отцу / там покричи с папой / иди //

О. Папа там на крыльце стоит / пугает всех //

Н. Тогда не пойдешь сёдня куда / всё будешь дома сидеть //

С. Не-е-е //

А. Иди забери своего мальчугана / мы тут разговариваем / он даже слова никому не дает сказать //

В. Саша (строго) //

А. Иди к отцу //

Н. С папой разговаривай //

В. Саша / ну-ка / всё / не буду тебя на мотоцикле покатавать //

Н. Сейчас папа пойдет на мотоцикле кататься //

О. Штанишки подтяни / чтоб красивый мальчик был //

А. Виталька / подтяни ему хоть штаны //

Н. Я ему пыталась / он не дает //

С. Игра-а-а-ать //

Н. Сейчас пойдём уже / все / Саша / мы пошли //

С. Игра-а-ать // [ЦКФ-2: продолжение]

О. А Анютка-то надолго ушла / она ничего не сказала?

Н. Не-а / она ничего не говорила //

А. Да она мне чо* бабушка (с обидой) // И то видимо надоела //

С. Оля / я хочу у тебя прощения попросить //

О. Прощения попросить / да ты что / ну давай попроси //

С. Оля / я так больше не буду //

О. Не будешь так / совсем-совсем / ты же понял / что так некрасиво //

Н. У бабуы Нины тоже надо прощения попросить

ВСЕ (НРЗБР)

А. Тогда даже рта не открыл / никого не признает //

О. С ним надо просто поговорить //

А. Какой-то не косолаповской породы //

Н. Я маленькая / помню себя была / тоже не любила здороваться //

О. М-м-м / Саша вообще на тебя в детстве похож // [ЦКФ-3]

А. Деда-то своего тоже что ли не любили?

Н. Кого?

А. Деда-то своего //

Н. Какого деда?

А. Ну своего / какой дед-то //

Н. А-а-а / ну как / любили конечно //

А. Ну //

Н. Так Саша тоже любит / Саша / любимый дед Саша //

О. Ой / какие зайки / здорово / это Анютке подарили / мама вышла у нас в огород кормить кошечек / свою любимицу кошечку / Дашка она её позвала / так смотрю к ней ещё четыре побежали //

А. Соседские коты что ли?

О. Ага / соседские и одна беспризорная / и она стоит и четыре кошки рядышком / и все орут и еду в голос просят / она стоит / кормит первую, вторую, третью //..... [ЦТФ-3: Мама и кошки]

Н. Тоже белый кот бегае туг //

А. А чей белый кот этот не знаю //

Н. Это не тот / отец которого отвез тогда в лес (с мее т с я) //

О. Отвез?

А На фанерный его отвез //

Н. Он его на завод туда //

А. Не на завод / а я говорю / по дороге где-нибудь //

Н. А может кто и надо / а разодрались парни (о фильме)

Н. Саша / про кого мы сказку читали / как звали девочку //

С. Как //

О. Ты про девочку сказку читал (удивленно) //

С. Нет мама //

О. Мама читает / забыл что ли / не вот //

С. Немножко //

О. Немножко забыл //

С. Ну как / а как (пытается вспомнить) //

О. Ну давай вспоминай //

Н. Дюймовочка //

С. А / Дерьмовочка //

Н. Дюймо-о-во-очка //

А. Дерьмовочка (тихо) //

Все смеются

О. Нравится Дерьмовочка?

Н. Я как первый раз услышала / ха-ха-ха //

О. Хорошая девочка / да / добрая и веселая / чудо такое ты / чудо / так съесть тебя хочу //

Н. Вот хочешь сказать правильно / а у него не получается //

О. (произносит по слогам) Дюй-мо-во-ч-ка / да //

С. Дерьмовочка

О. Да-да / хорошая девочка / Ой / хоть бы погода наладилась / ну что это такое // [ЦКФ-4]

А. Ну сёдня уже без дождей / ну все равно прохладно / всё равно тут грозы местами / ну если вот пониже уже температура всех теплее в Тавде / по-моему в Красноуфимске только пятнадцать / семнадцать / а в Ивделе было только четыре градуса (НРЗБР) солнышко уже с севера потянул ветерок-то / поэтому и температура пятнадцать градусов и дождей-то может и не быть / хоть бы... хоть бы здесь двадцать градусов так они передавали уж хоть без дождя бы было //

О. Да-да //

А. А так картошку-то копать //

*О. Картошка / скоро / ой я не попаду / в прошлый год **копали** вместе с Юрой на мотоцикле **возили** / так и то сколько понадобилось / теперь мотоцикл продали / да еще и меня не будет //*

*А. Ну теперь у Витальки мотоцикл есть / **возить** будет //*

*О. Ну у них у самих полным-полно **родин** //*

[ЦТФ-4: Уборка картошки]

А. Он тут у нас приезжал на дедовом / дед ему подарил / а где вы-то садили?

О. Мы на фабрике / фабрика там //

А. Там где наши да //

О. Недалеко от вас //

С. А у меня есть поле //

О. Да / что на поле растет?

С. Картошка / папа ездил в огород / заехал туда / я в коляске сидел и он подкопнул картошку //

О. Подкопнул картошки / а ты его в коляске ждал и не выходил //

С. Да / лопата такая огромная / в коляску засунул // [ЦКФ-5]

А. А я увезла от тебя **коляску**-ту / к Радче пришла / Люба говорит у вас тут **коляска** девичья была / а я говорю «**её** Сашка по зиме ещё увёз туда к бабушке» / ну вот тут Анютке говорю / она спала я пришла / встала правда / я говорю «сходи туда к матери привези эту **коляску**» / она говорит / а я **её** видела / позвонила видимо зонтик надо её матери и они тут видимо вышли //

Н. М-м-м

А. Анюта передала этот значит тут на Гоголя / я посидела / подумала / ну думаю пойду сама / если и Сергей Егорыч так мы знаем друг друга хорошо / пойду туда / ну подошла / смотрю первые ворота закрыты / подтолкнула / дверцу / отодвинула / зашла в ограду сразу / потом повернула туда дальше / там опять у это опять двери / опять запор / я чё там эта как какой-то э-э-э гвоздик / дёрнула / тоже открыла / потом по-моему ещё одни ворота пришлось *мне* открыть //

О. Столько преград //

А. Ага / захожу / батюшки / там вот такая вот коробка / там наверное сотня бутылок лежит / это полная э-э-э этих бутылок пивных и полная **коляска** пивных бутылок / полнёхонька / а рядом с **коляской** ещё полмешка тоже бутылки пивные //

Н. Это где...

А. Это... тут на Гоголя / в проезде / я значит взяла в эту / ну **коляску** туда / в эту / в мешок бутылки сколько вошло / остальные на этот / в ящик / но **она** что там уже почти что проходит / **она** такая грязнущая / я так же опять выехала / всё как было / всё закрыла / всё / ушла / потом тут ещё у этого / у Аришки / этой / полыни поломала / а это эти немки-то (о с о с е д я х) сидят / да там ещё немец-то вышел / ну я как шла / мимо их проехала с этой пустой **коляской** / ну вот / приехала / налила ведро воды тут / порошка насыпала / помыла-помыла **её** / потом это по-моему дождик пошёл / я **её** вынесла в огород / а там это говорили / что одного **колеса** нет **резины**-то / а тут на одном только **резина** и все остальные без / там и грязь и камушки / всё туда налезло / я в огород на траву поставила и оставила **её** там / и **она** стала чистенькая хорошая **машинка** //

Н. А мы *её* к стати домой давно уже хотели / но не знали куда / раз Саша отвез / всё / мы давно *её* хотели забрать / или чо* вот / а думали куда / не повезём же //

С. Какую *машину* //

А. Ну *колясочку*-то // [ЦТФ-5: Я коляску забрала]

3. Ценностный анализ разговорного текста

Полилог представляет собой пример разновозрастного семейного общения. Образовательный ценз молодых членов данной семьи на среднем уровне; А., старшая в семье, — носитель просторечия. Участники разговора имеют богатый опыт речевого взаимодействия. Они не скованы обязанностью «хорошо выглядеть» в глазах посторонних, их поведение органично отражает внутренние состояния и этические позиции (хотя «засланный казачок» всё же имеется: текст записан скрытым образом коммуникантом О.). В народной традиции такой разговор соответствует типовой ситуации «зайти повидаться». В отличие от светского визита, такая ситуация может длиться достаточно долго.

3.1. План содержания

Ценностные тематические фрагменты выделяются прежде всего на предметно-тематическом основании. Протяженность конкретной предметной темы устанавливается на текстовом основании [Матвеева, 1990, с. 21—23]: путем отслеживания тематических цепочек и, шире, тематического поля фрагмента (выше в тексте их состав выделен жирным курсивом). При этом учитывается состав предметно-тематической цепочки и цепочки Я-темы, без которой не обходится ни один разговорный текст (выше в тексте цепочка Я-темы и другие дополнительные цепочки выделены светлым курсивом). Так, объемный ЦТФ-5 «Я коляску забрала» содержит многократное предъявление базовой номинации *коляска* (8 раз), ее субститута *она* (10) и референтно тождественных номинаций *машинка*, *машина*. В состав данного предметно-тематического поля входят также глагольные формы (*проехала*, *оставила*, *помыла*) и обозначения частей целого (*колесо*, *резина*): всё о данной мотоциклетной коляске. На пространстве фрагмента с данной предметно-тематической цепочкой активно реализуется Я-тема коммуниканта (10 эксплицитных номинаций и множество нулевых, которые устанавливаются с помощью глаголов в форме первого лица).

Границы тематического фрагмента должны определяться на базе тематического поля фрагмента в соотношении с Я-цепочкой. В анализируемом тексте номинация *коляска* вначале появляется спонтанно в репликах

ребенка (С.: *я в коляске сидел; папа лопату в коляску засунул*), но и рассказчик (Саши), и реалии ситуации (*поле, лопата, картошку подкопнул*) иные, нежели в рассказе А. о том, как она забрала отданную на время коляску у родственников. На данном основании приведенные реплики С. и О., в которых использована номинация *коляска*, в тематический фрагмент «Я коляску забрала» не включаются. Попутно заметим, что в данном случае наблюдается действие общего механизма развития темы в разговорной речи: если один собеседник поверхностно задевает какую-либо интересную для партнера тему, последний развивает ее, забрав на это время коммуникативное лидерство. Далее такая коллизия может повториться.

Должна также учитываться позиция действующего лица, не совпадающая с позицией повествователя. В первой из рассмотренных выше реплик действующим лицом является сам говорящий (*я в коляске сидел*), а во второй — его отец (*папа лопату в коляску засунул*). Оба действующего лица находятся за пределами ситуации «Я коляску забрала» с действующим лицом А., и это еще один довод в пользу того, чтобы не включать эти реплики в ЦТФ-5. Аналогичным образом при определении границ ЦТФ-3 «Мама и кошки» обращаем внимание на то, что данная предметная тема три реплики спустя уже не связана с действующим лицом *мама (она)*: Н. *Тот же белый кот бежит тут // — А. А чей белый кот этот не знаю // — Н. Это не тот / отец которого отвез тогда в лес?* (с м е е т с я) // По этой причине в ЦТФ-3 приведенные реплики не включаются.

Осложняющим анализ фактором является дискретность темы. И. Г. Сибирякова выявила факт воспроизводства предметной темы, возможность ее прерывания и возобновления в разговорном общении [Сибирякова, 1996]. Данное явление наблюдается повсеместно, например, в другой ситуации во время подготовки праздничного стола одна из женщин-собеседниц не раз и не два сугубо по личной инициативе обращается к обсуждению своей отсутствующей антагонистки Максунихи, вовлекая в него своих собеседниц: 1) Л.Л. *Тут приехала Максуниха увидела муку и кричит // (меняет голос) «Чё у тебя за мука? Ой / надо купить тоже такую же / А чё за фарш / ой да ить хороший // Надо будет тоже купить и тоже чё-нить постряпать» // Хавронья / думаю /;* 2) Л.Л. *Отдали / завезли // Увидели там и Максуниху // Грю / «Поехали картошку жарить?» / «Мы её с курицей сделаем» // Потом спрашивает / «А вы меня увезёте?» — Н.Л. О / вот нахалка // — Л.Л. Если меня увезёте // Ну / думаю / Господи // Ладно / она хавронья // [АГГ]. При структурировании текста для продолжающих компонентов фрагмента используется квалификатор «продолжение», затем дискретный тематический фрагмент рассматривается в целом.*

Тематические фрагменты предварительно рассматриваются по наличию оценочного содержания. В план дальнейшего аксиологического анализа входят только ценностные фрагменты, собственно информационные не анализируются.

Рассмотрим подробнее ЦТФ анализируемого текста.

ЦТФ-1: Нога болит

Тема болезни инициируется гостьей, молодой женщиной **О.**, которая обращается с вопросом (*Нога болит у вас?*) к своей пожилой родственнице. Прямой вопрос соответствует социально одобряемой русскими (по крайней мере, в просторечной и близкой к ней среде) норме: можно обсуждать болезни в разговорах с пожилыми людьми. Вопрос воспринят с полным приятием: **А.** подхватывает тему и подробно описывает свои страдания: *вот так ступить не могу; левая у меня как будто бы у меня где-то отстает как это от правой; вот здесь кость одна / эта как тупая / а другая острая*. Перечислительная конструкция с обобщающим местоимением в конце (*и капала и купила таблетки и всё*) подчеркивает длительность процесса лечения больной ноги с помощью разных способов. Внучка **Н.** поддерживает тему болезни, делится своим опытом (*у меня как-то опухла нога; я не могла ходить вообще*) и даже дает совет: *к бабушке же ходят заговаривать* (имеется в виду неврачебная помощь с помощью заговоров; *бабушка* здесь — знахарка).

Таким образом, сестры **О.** и **Н.** выбрали и развили тему с учетом интересов своей пожилой родственницы, так они выражают внимание к ней. В коммуникативном поведении молодых женщин проявляется ценностная установка на заботу и внимательность по отношению к близкому пожилому человеку, чуткое отношение к бабушке. В основе аксиологической установки лежит ценностная константа «благополучие близких людей». Именно данная ценность занимает первое место в перечне ценностных ориентаций по данным уральских исследователей [Ведрева и др., 2016, с. 65].

ЦТФ-2: Женька

Фрагмент дискретный, он разорван ценностным коммуникативным фрагментом, в котором все участницы диалога пытаются утихомирить раскричавшегося четырехлетнего мальчика. В ЦТФ-2 коммуниканты обсуждают поведение третьего лица, названного по имени: *Женька*. Он знаком всем собеседницам (*этот-то бывший муж; давно уже он ушел*). Данная информация составляет пресуппозицию общения, а обсуждается эпизод агрессивного поведения этого мужчины (*Полинку напугал; выломал ей двери; вместе с ключом вынес дверь; побил их с Ленкой; они снимали побои*). Собеседницы осуждают (ремарка «с возмущением») не только конкретный

факт, но и отношение мужа к семье в целом (*алименты / он наверное не работает; его ищут; она написала на него заявление*). Они сочувствуют жене, которая не рассчитывает на поддержку мужа и предпочитает жизнь в одиночестве (*она его не пускала обратно / не хотела / чтобы он с ними / говорит «одной спокойнее»*).

На основе проявленных отрицательных чувств можно, по методу «от противного», судить о том, что участницы диалога являются носителями традиционных ценностных ориентиров в семейной сфере: мужчина должен заботиться о семье, обеспечивать жену и детей, быть им поддержкой и опорой. В то же время отрицается архаическая для современной семьи русская константа женского терпения, смирения с мужской агрессией, в том числе унижениями и побоями. Валентина, о которой идет речь, утверждает свою самостоятельность: *я знаю / что одна ... зарабатываю*.

Тема взаимоотношений в семье решается на основе общей аксиологической установки участниц диалога с ценностными константами «семья», «благополучие близких людей», «совесть» (все эти концепты входят в число наиболее значимых в русской системе ценностей).

ЦТФ-3. МАМА и кошки

С умилением рассказывая о том, как ее мать кормит кошек, собеседница **О.** утверждает позитивность милосердного отношения к животным. Ценностная установка **О.** получает репрезентацию в дополнительных номинациях с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*кошечек, кошечку*), в эмоционально-оценочной характеристике (*свою любимицу*). Вербализуются ценностные константы русской духовной культуры «добро» и «милосердие».

ЦТФ-4. УБОРКА КАРТОШКИ

Собеседницы **А.** и **О.** обсуждают предстоящую уборку картофеля. Это тяжелая сезонная работа (*в прошлый год копали вместе с Юрой на мотоцикле возили / так и то сколько понадобилось*), поэтому **О.** высказывает беспокойство о том, что в этом году ее семье будет труднее (*теперь мотоцикл продали / да еще и меня не будет*). В ее репликах проявляется забота о близких людях. **А.** успокаивает ее: *Ну теперь у Витальки мотоцикл есть / возить будет*. В этом мнении проявляется безусловная для обеих женщин ценностная установка: люди (а близкие люди особенно) должны помогать друг другу.

Труд, коллективизм и взаимопомощь выступают как национальные культурные конвенции и ценностные ориентации как патриархального, так и современного российского провинциального уклада жизни. В конечном итоге они тоже связаны с ценностью «благополучие близких людей».

ЦТФ-5: Я КОЛЯСКУ ЗАБРАЛА

Содержательное единство фрагмента обеспечивается темой коляски. **А.** подробно рассказывает о том, как она искала принадлежащую ее семье коляску от мотоцикла в доме родственников. Не надеясь, что ее вернут, **А.** решает забрать коляску самостоятельно. Ее фраза *я посидела / подумала* свидетельствует о нерешительности (неудобно искать что-либо в чужом дворе), но уже следующее высказывание (*ну думаю пойду сама*) вербализует аксиологическую установку на помощь близким (коляска нужна теперь в собственной семье).

Ценностные установки **А.** не формулируются прямо, но могут быть реконструированы. По факту, **А.** зашла во двор родственников, когда там никого не было, и отыскала свою коляску в предельно запущенном состоянии. Возмущенная этим, она забирает коляску, не сказав об этом никому. Хотя коляска принадлежит ее семье и никто не осуждает совершённый поступок, **А.** осознает, что ее поведение не соответствует социальной норме, поэтому начинает оправдываться. Во-первых, она подробно рассказывает о том, как выглядела коляска в чужих руках: брошена во дворе как ненужная вещь. Во-вторых, говорящая подчеркивает, что на обратном пути сделала *всё как было / всё закрыла*. В-третьих, она испытывает неловкость перед соседями, которые могли видеть, как она заходила в чужой двор и что-то взяла там: *эти немки-то сидят / да там ещё немец-то вышел / ну я как шла*. Наконец, **Ф.** подробно рассказывает, как мыла коляску (*на-лила ведро воды тут / порошка насыпала / помыла-помыла её / потом это по-моему дождик пошёл / я её вынесла в огород / ... / я в огород на траву поставила и оставила её там*), чтобы в результате она стала *чистенькая хорошая машинка*.

Позиция **А.** соответствует русскому национальному кодексу нравственности, для нее значимы ценности «справедливость» и «совесть», важные для русской духовной культуры в целом. Кроме того, в ее поведении проявляется бережливость, стремление к порядку, чистоплотность.

Таким образом, бытовая тематика разговоров не препятствует проявлению ценностных позиций коммуникантов. Экстраполяция их речевых поступков в область ценностных предпочтений вполне возможна, а с опорой на эталоны национального общения данная аксиологическая реальность приобретает качественную определенность.

3.2. План общения

Все взрослые участники разговора взаимно доброжелательны и не используют средств и приемов, ведущих к психологическому напряжению: не делают друг другу замечаний, не высказывают отрицательных оценок

о собеседнике, не дают непрошенных советов. В то же время они не прибегают и к открытым позитивным оценкам, что характерно для русского внутрисемейного общения. Использование личных имен с суффиксом *-к-* (*Виталька, Ленка, Арёнка, Анютка*) распространено во многих семьях как непринужденно-разговорное, без сниженного оттенка, а только как показатель близкой дистанции общения.

Взаимное расположение проявляется в плотном смысловом участии в разработке обсуждаемых тем. Молодые собеседницы предупредительны по отношению к пожилой родственнице. Ее речевое лидирование сопровождается репликами поддерживания (см. ЦКФ-1, 5, 6). Так они ведут себя и по отношению к другим участникам полилога. Наиболее распространенным способом речевой поддержки является вопрос, способствующий развитию темы собеседника. Особенно хорошо владеет этим способом **О.**, гостя семьи (см. ЦКФ-6, ср. также общение с ребенком: **С.** *А у меня есть поле / — О.* *Да / что на поле растет?*).

Отдельного внимания заслуживает речевое поведение взрослых по отношению к ребенку (ЦКФ-2, 3). Четырехлетнему мальчику хочется играть, а не слушать разговоры взрослых, и он требует своего криком. Реакции старших родственников сходятся в том, что ребенок должен считаться с интересами взрослых. Об этом говорится открыто: *Он слова никому не дает сказать*. Строгость проявляет и прабабушка (*Саша / тише; Да тихо ты*), и мать (*Тогда не пойдешь сёдня никуда / всё будешь дома сидеть*), и отец (*Саша / ну-ка / всё не буду тебя сегодня на мотоцикле катать*). Тем не менее по отношению к ребенку применяются не только речевые тактики окрика и угрозы. Ему разъясняют необходимость тишины (**Н.** *Саша / мы / разговариваем*), пытаются перенаправить внимание (**А.** *Иди к отцу / там покричи с папой / иди*), отвлекают (**Н.** *Сейчас папа пойдет на мотоцикле кататься; О.* *Штанишки подтяни / чтоб красивый мальчик был*), а в конце концов идут на уступки (**Н.** *Сейчас пойдём уже / всё / Саша / мы пошли*).

В данном полилоге наблюдается типичная для русского семейного общения невыверенность позиций, однако каждый из взрослых по-своему доносит до ребенка мысль о том, что ему следует изменить свое поведение. Ребенка не унижают, действуют разными способами, но односторонне. В результате Саша меняет свое поведение и решает попросить прощения, причем у Оли, самой лояльной по отношению к нему взрослой. В итоге напряженная ситуация разрешается позитивно, что подтверждается выводом **О.**: *С ним просто поговорить нужно* (концовка ЦКФ-3).

Взрослые родственники единодушно реагируют и на невольное комичное искажение ребенком имени героини прочитанной сказки: *Дерь-*

мовочка вместо *Дюймовочка*. Мальчик не понимает причин общего смеха, но и взрослые не акцентируют на этом внимания и быстро переводят тему (см. ЦКФ-4: *С. Дерьмовочка // — О. Да-да / хорошая девочка / Ой / хоть бы погода наладилась / ну что это такое*).

В целом полилог представляет собой образец «согласного разговора», по Ломоносову. Общение по разным поводам коммуникативно ориентировано на ценности взаимного уважения, семейного единения, добра (все приоритетны для русской духовной культуры). Налицо речевая стратегия гармонизации, общая для взрослых участников разговора. Речевой быт данной семьи не предполагает особых сантиментов, но характеризуется достаточной общей слаженностью, взаимной расположенностью, готовностью к корректировке личного поведения.

Разумеется, далеко не всегда аксиологическая реальность (ценностная картина мира, отражаемая в конкретных актах коммуникации) так близка идеальному национально-ценностному конструкту, как в рассмотренном полилоге. Речевой быт русской семьи бывает и весьма грубоват, и откровенно груб. Вот, например, в другой ситуации, эпизод общения жены и мужа в её пересказе: *Он говорит: «Чё есть поесть?» Я говорю: «Уха» / Он: «Ты же знаешь / что я уху не ем» / Ага, сейчас я буду я под тебя подстраиваться / чё ты ешь и чё не ешь / Главное, сварено / Твое дело, будешь есть или нет //; Если не нравится говорю, вари сам [АГГ].* Так молодая женщина грубо и ворчливо настаивает на своем главенстве в семье. О закономерностях неформального русского семейного общения можно будет судить только на основании анализа множества разговорных текстов, и заранее ясно, что в ценностном отношении эти закономерности будут растяжимы и противоречивы.

4. Выводы

Бытовая проблематика повседневных разговоров нимало не мешает их аксиологической наполненности. Опыт анализа разговорных диалогов и полилогов показывает, что «регистративные» информационные фрагменты составляют меньшую их часть. Высказываясь на самые разные актуальные для них темы, люди проявляют свое отношение и к обсуждаемой реальности, и к своим собеседникам, переводя таким образом бытовое содержание жизни в духовную область.

Описание ценностных предпочтений коммуникантов на основании анализа их непринужденного речевого общения не может быть формульным или списочным в силу многофакторности самого объекта внимания, а также общей лингвокультурологической неразработанности данного

аспекта коллоквиалистики. Объективность текстового описания и квалификация актуализированных культурных концептов требует речевого подтверждения любого выдвигаемого тезиса.

Общее деление ценностного содержания по направленности оценок позволяет разграничить ценностную позицию коммуникантов по отношению к затекстовой реальности и к своим собеседникам. В области общения возможно приведение анализа к стратегиям гармонизации и дисгармонизации. На этой основе может осуществляться выявление типовых конфигураций речевого взаимодействия.

Источники и принятые сокращения

АГГ — Архив грантовой группы.

Литература

1. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. — 408 с.

2. *Вепрева И. Т.* Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи в лингвокогнитивном и социопсихологическом освещении / И. Т. Вепрева, М. М. Ицкович, Н. А. Купина, И. В. Шалина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 2. — С. 62.—73.

3. *Верещагин Е. М.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции : лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : ИНДРИК, 2005. — 1040 с.

4. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с.

5. *Мамардашвили М.* Обязательность формы / М. Мамардашвили // Как я понимаю философию. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 86—90.

6. *Матвеева Т. В.* О методе выявления ценностной информации разговорного диалога / Т. В. Матвеева // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 89—101.

7. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. — Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990. — 169 с.

8. *Михальская А. К.* Русский Сократ : Лекции по сравнительно-исторической риторике. — Москва : Изд. центр «Academia», 1996. — 192 с.

9. *Прохоров Ю. Е.* Русское коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2002. — 277 с.

10. *Сибирякова И. Г.* Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге / И. Г. Сибирякова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург : АРГО, 1996. — С. 115—135.

11. *Стернин И. А.* Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. — Воронеж : Гарант, 2015. — 52 с.

12. *Стернин И. А.* Русский коммуникативный идеал (экспериментальное исследование) / И. А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. Выпуск 2. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ, 2001. — С. 9—13.

13. *Шалина И. В.* Культурные истоки русского общения : речевой идеал / И. В. Шалина // Русское повседневное общение : прагматика, культурология : монография / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева, Н. Н. Розанова, И. В. Шалина. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2018. — С. 119—168.

Practice of Identifying the Value Information from Spoken Dialogue¹

© **Matveyeva Tamara Vyacheslavovna (2018)**, orcid.org/0000-0003-4802-221X, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), tomat-44@mail.ru.

The article contains a demonstration of linguistic and cultural analysis of conversational dialogical material carried out in accordance with the methodological solution of the problem proposed by the author. The relevance of this work is linked with the understanding of spoken language as one of the spheres of formation and reproduction of the national culture of communication. It is indicated that the specific purpose of the author is the introduction of the proposed technology in the practice of value-oriented analysis of colloquial speech. The article is based on the original speech material of everyday family interaction. The step-by-step procedure of the dialogic text analysis is characterized in the thesis form. Taking into account the initial sociolinguistic data, the value thematic and communicative fragments of the spoken text are revealed at the auxiliary stage, the linguistic technique of structuring the dialogical material on the categorical-textual basis is demonstrated. At the main stage, the selected value fragments of the two types are interpreted in terms of communicative linguistics, taking into account the typical features of the communication situation. The dichotomy of the concepts “axiological ideal / axiological reality” is used. The analysis is aimed at revealing the real value content of informal Russian communication of our days; the interpretation of the communicator’s speech acts is carried out on the basis of their correlation with the normative matrix of speech interaction that has developed in the Russian culture.

Key words: replica; dialogical unity; value thematic fragment; value communicative fragment; speech act; speech tactics; axiological reality.

Material resources

AA — Arkhiv grantovoy gruppy.

¹ The study is financially supported by RFBR within the project No. 18-012-00382/18 “Speech life of the family: axiological reality and research methods (by the material of the living speech of the Ural city).”

References

- Borisova, I. N. (2001). *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika*. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta. (In Russ.).
- Borisova, I. N., Danilov, S. Yu., Matveyeva, T. V., Rozanova, N. N., Shalina, I. V. (2018). Kulturnyye istoki russkogo obshcheniya: rechevoy ideal. In: *Russkoye povsednevnoye obshcheniye: pragmatika, kulturologiya: monografiya*. Ekaterinburg: Gumanitarnyy un-t. 119—168. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi*. Moskva: Izd-vo LKI. (In Russ.).
- Mamardashvili, M. (1990). Obyazatelnost' formy. In: *Kak ya ponimayu filosofiyu*. Moskva: Progress. 86—90. (In Russ.).
- Matveyeva, T. V. (1990). *Funktionalnyye stili v aspekte tekstovykh kategoriy*. Sverdlovsk: Izd-vo Uralskogo universiteta. (In Russ.).
- Matveyeva, T. V. (2018). O metode vyavleniya tsennostnoy informatsii razgovornogo dialoga. *Nauchnyy dialog*, 3: 89—101. (In Russ.).
- Mikhalskaya, A. K. (1996). *Russkiy Sokrat: Lektsii po sravnitelno-istoricheskoy ritorike*. Moskva: Izd. tsentr «Academiya». (In Russ.).
- Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A. (2002). *Russkoye kommunikativnoye povedeniye*. Moskva: Gos. in-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina. (In Russ.).
- Sibiriyakova, I. G. (1996). Standarty tematicheskogo razvertyvaniya v razgovornom dialoge. In: *Russkaya razgovornaya rech' kak yavleniye gorodskoy kultury*. Ekaterinburg: ARGO. 115—135. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2001). Russkiy kommunikativnyy ideal (eksperimentalnoye issledovaniye). In: *Russkoye i finskoye kommunikativnoye povedeniye, 2*. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU. 9—13. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2015). *Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya*. Voronezh: Garant. (In Russ.).
- Vepreva, I. T., Itskovich, M. M., Kupina, N. A., Shalina, I. V. (2016). Tsennostnyye predpochteniya sovremennoy studencheskoy molodezhi v lingvokognitivnom i sotsiopsikhologicheskom osveshchenii. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2: 62—73. (In Russ.).
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (2005). *Yazyk i kultura. Tri lingvostranovedcheskiye kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapiyentemy*. Moskva: INDRIK. (In Russ.).